

A.V. Metel'ev

Социальные основы политического влияния Флавия Аэция в Западной Римской империи

A.V. Metelyov

Social Foundations of Flavius Aetius's Political Influence in the Western Roman Empire

Анализируется деятельность Флавия Аэция, одного из самых ярких военачальников в истории поздней Западной Римской империи, которого ряд современников и более поздних хронистов называли «последним римлянином». Осуществляется попытка выявить основные социальные группы и силы, на которые в своей военной и политико-дипломатической деятельности опирался Флавий Аэций. Делается вывод о том, что социальная база власти командующего войсками в империи и особенно в Галлии была достаточно широка: поддержка большей части представителей италийской и галло-римской аристократии, принципалов и некоторой части мелких и крупных землевладельцев. Оппозицию Аэцию составляли члены императорской фамилии, а также некоторые представители италийской аристократии, занимавшие высшие придворные и гражданские посты империи.

Ключевые слова: социальные основы, политическое влияние, Флавий Аэций, Западная Римская империя, Галлия, италийская и галльская аристократия, императорская фамилия, Равеннский двор, принципалы, средние и мелкие землевладельцы, варвары, гунны, вооруженная свита (букелларии).

Несмотря на давно сложившееся в историографии мнение о большой значимости личности Флавия Аэция в истории поздней Западной Римской империи, которую признавали еще античные авторы, достаточного освещения фигура этого римского военачальника до сих пор не получила.

Обычно описывается, реже анализируется дипломатическая и военно-политическая деятельность Аэция. Значительно меньше внимания уделяется изучению того, на какие силы он опирался и какие социальные слои Западной Римской империи его поддерживали. Недостаточно разработан вопрос о характере его взаимоотношений с императорским двором, правительством, а также о степени его влияния на императора. Ни в зарубежной, ни в отечественной исторической литературе нет работ, специально посвященных Ф. Аэцию, хотя почти во всех исследованиях по истории поздней Западной Римской империи содержатся упоминания о нем или отдельных аспектах и фактах его деятельности.

The article turns to the deeds of Flavius Aetius, one of the brightest military leaders in the history of the Western Roman Empire who was called “the last Roman” by a number of his contemporaries and later annalists. The author attempts to single out the main social groups and the powers on which Flavius Aetius relied upon in his military and political activities. As a result of the analysis a conclusion has been made that social basis for the power of the army commander was considerably broad, especially in Gallia. He was supported by the majority of Italic and Gallic-Roman aristocracy, in Gallia the principals and some petty and large landowners were in his favour. However, the imperiality and some Italic aristocrats holding the highest court and civil posts of the Empire opposed Flavius Aetius; but they had to put up with his might as his activity highly contributed to the strengthening of the Empire. Besides, he could use Hunnish cavalry and relied on numerous military escort (bucellarii).

Key words: Social foundations, political influence, Flavius Aetius, Western Roman Empire, Gallia, Italic and Gallic aristocracy, imperiality, Ravenna's court, principals, petty and large landowners, Barbarians, Hunns, military escort (bucellarii).

Цель данной работы – попытаться выявить социальные основы могущества Аэция в Западной Римской империи. Для этого необходимо определить, каковы были его отношения с италийской и галльской аристократией, представителями императорской фамилии, Равеннским двором и правительством Западной Римской империи; выявить то, как оценивали деятельность Ф. Аэция принципалы (верхние слои городского населения), средние и мелкие землевладельцы галльских провинций, а также степень его опоры на варваров и собственную вооруженную свиту (букеллариев).

*Италийская аристократия, правительство
Западной Римской империи, представители
императорской фамилии и Равеннский двор*

Италийская знать, представители которой в основном занимали важнейшие посты Равеннского двора и входили в правительство, по преимуществу, была заинтересована в поддержании Ф. Аэцием стабильного положения в Западной Римской империи, прежде всего

в Испании и Галлии, а также в сохранении их под властью империи. Это было связано с тем, что испанские и галльские провинции были наиболее близки Италии в плане культуры, а также с геополитической точки зрения. К тому же эти провинции были ценны для Равеннского двора и в отношении налоговых поступлений. Ведь из западных провинций они всегда считались экономически наиболее развитыми. Это было тем более актуально, что росли финансовые трудности Западной Римской империи (см., например, [1, с. 115]), «... поскольку территориальные владения государства в Галлии и в Испании, уже уменьшенные покойным Гонорием, продолжали значительно уменьшаться» [2, р. 343]. Кроме того, регулярные налоговые сборы были значительно затруднены по причине многочисленных восстаний в провинциях Африки, Испании и Галлии. Да и нормальная хозяйственная деятельность провинциального населения была нарушена в результате постоянных набегов варваров, сопровождавшихся грабежами и разрушениями. Особенно актуально это было для Галлии, поэтому главной целью имперского правительства было достижение стабильности в этом регионе.

Стратегия и тактика Ф. Аэция в отношениях с варварами, основывавшаяся на старом принципе римской политики – «разделяй и властвуй» (правда, в более сложных, чем прежде, для Западной Римской империи условиях) вполне устраивали италийскую знать. Играя на противоречиях федератов, поддерживая их равновесие в регионе, срабатывая друг с другом и умело балансируя между ними, он пресекал их попытки грабежа и захвата новых земель Западной Римской империи и заставлял соблюдать договор с ней. Кроме того, Ф. Аэций имел очень сильные позиции при гуннском дворе и мог благодаря своему влиянию, во-первых, предохранить Западную Римскую империю от набегов конницы гуннов; а, во-вторых, обеспечить имперское правительство надежной военной силой, в которой империя испытывала острую нужду. Причем, зная язык и способы ведения военных действий гуннов, он прекрасно справлялся с командованием их отрядами.

Немаловажным было и то, что Ф. Аэций был римлянином. Это стало весомым аргументом в его пользу, так как часть италийской знати выступала против нахождения варваров на высших военных постах Западной Римской империи. Доказательством чего могут служить события, связанные с убийством Стихихона [3, с. 65].

Вместе с тем, несмотря на свое происхождение, Ф. Аэций имел тесные связи с варварами (в частности, вестготами и гуннами), прекрасно умел ладить с ними и держать их под контролем, что было немаловажно для человека, занимавшего в V в. пост магистра армии Западной Римской империи, так как для неё в это время был характерен очень вы-

сокий уровень варваризации, который продолжал неуклонно расти.

Однако, несмотря на весьма крепкие позиции Ф. Аэция с 432 г. в правительстве Западной Римской империи, значительное влияние при Равенском дворе, а также поддержку большей части аристократии, существовали силы, которые противостояли магистру в его стремлении к расширению власти.

Прежде всего это касается взаимоотношений главнокомандующего и членов императорской фамилии Западной Римской империи. Постоянное расширение власти Ф. Аэция не могло не вызывать у них беспокойства и ответных действий.

Галла Плацидия в 425 г. была провозглашена регентшей своего шестилетнего сына Валентиниана III. Причем многие исследователи сходятся в том, что и после совершеннолетия молодого императора она имела на него огромное влияние, вплоть до своей смерти в 450 г. [2, р. 338].

Довольно рано коснувшаяся большой политики, перенесшая немало испытаний, привыкшая к самостоятельным решениям и действиям, Галла Плацидия прекрасно понимала, что при данном политическом положении Западной Римской империи без сильных магистров войск обойтись было невозможно. Эффективно их значение возросло.

Но, с другой стороны, Г. Плацидия старалась не допускать чрезмерного усиления позиций какого-либо одного военачальника в ущерб имперской власти. Со всеми возможными из этого последствиями она уже сталкивалась во время правления своего брата Гонория. Регентша не желала появления нового Стихихона или Констанция. Однако собственных сил для контроля над магистрами было недостаточно. Возможно, это было причиной долгого пребывания (до 431 г.) при Равенском дворе восточно-римских войск под командованием Аспара. Но и они были немногочисленны, поэтому Г. Плацидия поддерживала противоречия между своими военачальниками, провоцировала их вражду, использовала одних против других в интересах имперской власти [2, р. 317]. Некоторое время ей удавалось успешно лавировать между ними. При этом всеми средствами она пыталась ослабить или расправиться с наиболее сильными и опасными полководцами.

Так, угрожавшего в 425 г. Г. Плацидии гуннской конницей и прежде очень влиятельного при дворе узурпатора Иоанна Ф. Аэция она отправила в звании дукса в Галлию – подальше от его «друзей». Чтобы еще больше ослабить этого полководца, нейтрализовать его связи с гуннами, а также вернуть принадлежавшие ранее империи земли, регентша отправила в Паннонию главнокомандующего римской армией Феликса. Он освободил от гуннов северо-восток этой провинции и укрепил границу между ними и империей [2, р. 318].

После того как Ф. Аэций стал для нее относительно безопасным, Г. Плацидия решила «поставить на место» фактически независимого магистра войск Африки Бонифация, против которого собирался организовать военную экспедицию еще узурпатор Иоанн [4, с. 134]. К этому шагу ее также подталкивали Ф. Аэций и Феликс [4, с. 134], преследовавшие свои вполне понятные цели. Высшие круги католической церкви также поддерживали Г. Плацидию в этом намерении, так как были не довольны лояльным отношением Бонифация к арианами [2, р. 319]. Имперское правительство дважды посылало войска против «сепаратиста», но обе попытки окончились неудачей.

Появление нового «врага» империи и борьба с ним были выгодны Ф. Аэцию, так как это ослабляло контроль Г. Плацидии над усилением его позиций. Возможно, регентша считала даже нужным с помощью выдвижения фигуры Ф. Аэция ослабить влияние главнокомандующего Феликса. В результате за военные успехи в Галлии в 429 г. он был произведен в *magister equitum praesentalis* и в то же самое время награжден титулом *magister utriusque militiae*. Первенство Феликса в командовании войсками империи было подчеркнuto лишь тем, что он получил в этот же год звание патриция [2, р. 318]. Однако Г. Плацидия просчиталась, недооценив возможности Ф. Аэция, который после укрепления своего авторитета и положения победами над алеманами [2, р. 321] организовал убийство Феликса и занял главный военный пост Западной Римской империи. Регентша попыталась исправить положение, призвав из Африки в Италию восстановленного немногим ранее в своей прежней должности Бонифация. И сначала ей это вроде бы удалось, но, победив Ф. Аэция при Римини, новый главнокомандующий вскоре скончался от раны, полученной во время их личной схватки, а Себастьян, заменивший Бонифация в его должности, ничего не смог поделать против гуннов, которых привел «обиженный» полководец. Таким образом, Г. Плацидия была вынуждена восстановить Ф. Аэция на его прежнем посту, причем теперь он приобрел фактически такое же влияние при дворе Валентиниана III, как в свое время Стилихон в правление Гонория.

Итак, Галле Плацидии лишь на короткий срок удалось поставить под контроль императорской власти магистра римских войск. Ф. Аэций на непродолжительное время был задержан в расширении своей власти в Западной Римской империи. Потерпев сокрушительное поражение, регентша, как можно заключить из источников, более не пыталась противостоять Ф. Аэцию (да он и не оставил ей такой возможности). Валентиниан III тоже долго не предпринимал подобных попыток. Это во многом можно объяснить и осознанием того, что благодаря авторитету и активности Ф. Аэция с военным и политическим могуществом Западной Римской империи считались ее федераты и

приграничные варвары, а также поддерживался союз с провинциальной (в первую очередь – галльской) знатью. Однако недовольство императора чрезмерной властью командующего сохранялось, и при первом же удобном случае Валентиниан III не преминул бы избавиться от него, и это несмотря на то, что Ф. Аэций не предпринимал никаких попыток занять его место, а также гарантировал невозможность узурпации императорской власти кем-либо ещё, что способствовало довольно длительному правлению Валентиниана III.

В ограничении влияния Ф. Аэция и снижении значения должности магистра войск были заинтересованы и те представители италийской аристократии, которые составляли так называемую антивоенную партию и занимали в основном важнейшие придворные должности, являясь приближенными императора, а также некоторые наиболее значимые посты центральной гражданской администрации, например, такие как магистр оффиций, квестор священного дворца, комит частных дел, препозит, префект города.

Влияние их на императора было велико. Однако реализация многих возможностей по расширению власти, достигаемая ими прежде, теперь, при высоком положении военных, была затруднена. Поэтому понятна их ненависть к верхушке армии, ведь эти «выскочки» были более низкого по сравнению с ними происхождения.

Таким образом, при Равеннском дворе и в имперском правительстве Ф. Аэций, помимо существенной поддержки, имел и влиятельную оппозицию, которая не упустила бы свой шанс при малейшем ослаблении авторитета командующего в каком-либо отношении, поскольку государственные интересы ее представителями ставились обычно на второе место после личных амбиций. Ф. Аэций долгое время не давал повода к активной деятельности против него. Однако в 454 г. такая возможность «антивоенной» партии представилась. К этому времени значительно улучшилась политическая обстановка в Галлии. В 453 г. умер король гуннов Атила, а его держава начала быстро распадаться, т.е. «гуннская проблема» была теперь почти решена. Кроме того, вестготы собирались организовать поход против терраконских багаудов, а это давало Равеннскому двору и имперскому правительству основание полагать, что они отказались от собственных завоевательных планов и теперь будут послушным орудием политики империи.

В результате император и некоторые представители италийской знати, занимавшие важнейшие придворные и гражданские посты империи, посчитали (хотя, как показали дальнейшие события, ошибочно), что смогут держать под контролем ситуацию в Западных провинциях без Ф. Аэция.

К быстрым активным действиям против главнокомандующего их подтолкнуло и то, что личный авторитет магистра среди федератов, приграничных

варваров и провинциалов после его победы над Аттилой очень сильно возрос. Это вело, с одной стороны, к увеличению роли военных в имперском управлении и, с другой стороны, к ущемлению власти императора и Равеннского двора, а также высшей гражданской администрации Западной Римской империи.

Главными участниками заговора против Ф. Аэция были: Петроний Максим – глава сенатской аристократии, не раз занимавший при Гонории и Валентиниане III важнейшие гражданские посты империи (префект города, префект претория Италии) и евнух Гераклий [2, р. 339], имевший значительное влияние на императора. Они привлекли на свою сторону и Валентиниана III, для которого власть магистра после его победы на Каталаунских полях стала невыносима [5, S. 344]. В 454 г. во время аудиенции на Палатинском холме Ф. Аэций был убит Валентинианом III.

Таким образом, италийская знать в основном поддерживала Ф. Аэция и признавала его авторитет. Вместе с тем оппозицию Ф. Аэцию составляли император и некоторые наиболее амбициозные представители италийской знати, занимавшие важнейшие придворные и гражданские посты Западной Римской империи.

По сравнению с Италией социальная база Ф. Аэция в Галлии являлась более основательной и разнообразной. Однако и здесь наиболее значимой для командующего являлась опора на высшие слои провинции.

Галло-римская аристократия

Галло-римская знать остро нуждалась в наведении порядка военной силой в истерзанной набегами варваров и движением багаудов Галлии [6, с. 79–80]. Знать обладала огромной властью в провинции. Именно из ее среды черпались кадры для государственного аппарата империи, прежде всего, провинциального. Галло-римская аристократия, по существу, правила городами провинции. Основа ее власти здесь – установление налогового обложения и участие в провинциальных собраниях, решавших многие важные вопросы провинций, в том числе выборы епископов (конечно, из среды аристократии) [7, с. 292], функции которых становились все более весомыми, что способствовало в первой половине V в. укреплению их власти. Епископы во многих районах Галлии, прежде всего в северной и центральной ее части, уже занимали важнейшие гражданские административные посты. Исключением являлся только Прованс, который изолировался от остальной Галлии, тяготея к связям с Италией и имперской бюрократией. Здесь более ценились гражданские посты, за которые аристократы соперничали между собой [8, р. 541].

В землях, окружавших города, власть знати была еще большей. Здесь они имели огромные земельные владения, их поместья были укреплены, многие из аристократов обладали частными вооруженными от-

рядами [9, с. 46]. Учитывая их влияние, а также то, что они имели ряд налоговых привилегий, многие землевладельцы округа переходили под их власть [4, с. 156], что еще более увеличивало могущество и владения земельных магнатов.

Но в результате сложной политической ситуации в Галлии знать нуждалась в основательной военной поддержке: собственных сил для того, чтобы бороться с движением багаудов и сдерживать натиск армий варваров было недостаточно, тем более в масштабах всей Галлии. Это было под силу только государству.

Конечно, полностью очистить западные провинции от племен варваров было невозможно. Западная Римская империя уже не обладала достаточной военной мощью для решения этой задачи. Об этом свидетельствует тот факт, что вестготы в 408–411 гг. вполне свободно передвигались по Италии, трижды осаждали Рим, а затем прошли по территории Галлии и при этом не встретили серьезного сопротивления римской армии.

В новой обстановке начала V в. можно было лишь контролировать расселение варваров посредством заключения с ними договоров (*foedus*) для использования их против новых вторжений варваров в качестве вспомогательных войск, а также для введения процесса в цивилизованное и мирное русло, чтобы положить предел их продвижению на соседние территории, сопровождавшемуся грабежом и разорением провинциального населения.

«*Foedus*», во всяком случае, помимо использования военных отрядов федератов, предусматривал защиту прав римского населения (прежде всего местной знати) и обеспечивал им мирное проживание с новыми соседями. Однако в случае отступления федератов от договора магистр Западной Римской империи должен был найти средства для того, чтобы силой принудить варваров к его возобновлению. При этом удержать их в рамках договора и защитить права провинциалов в районах расселения федератов было возможно лишь при условии высокого авторитета римского военного командования в регионе.

Всем этим требованиям Ф. Аэций удовлетворял в полной мере. Политическая обстановка в Галлии находилась под его контролем, и это ставило в ряды его сторонников большую часть галльской знати. Кроме того, галльскую аристократию, так же, как италийскую, устраивала способность Ф. Аэция обеспечивать пополнение армии наемниками-варварами, а также привлекать к участию в боевых операциях римских войск отряды федератов, так как магнатам было невыгодно поставлять рекрутов, что являлось их обязательной повинностью. Более предпочтительной была замена ее денежными взносами (*augum tironicum*) для вербовки наёмников [9, с. 199; 10, с. 163–164].

Однако галло-римская знать, так же, как италийская, не была полностью солидарна в своей поддержке

Ф. Аэция. В оппозиции к нему, как к военачальнику империи, находилась часть аристократии южной Галлии, которая склонялась к союзу с вестготами, способными обеспечить её военной поддержкой напрямую – без посредничества и первенства Равеннского правительства. Кроме того, представителей знати к этому иногда вынуждало расположение некоторых их владений на готской территории, так как в V в. земли аристократов обычно были разбросаны по всей провинции [11, с. 226–228].

Таким образом, изложенные факты позволяют сделать вывод о том, что за незначительным исключением Ф. Аэция поддерживало подавляющее большинство галло-римской знати.

Италийская и галло-римская аристократия

Необходимо подчеркнуть и то, что успешная деятельность Ф. Аэция в западных провинциях способствовала укреплению союза галльской и италийской знати. Так как первые имели необходимую надежную военную поддержку Равеннского правительства, защиту их интересов империей, на службе которой стоял Ф. Аэций. А вторые, вследствие этого, получали гарантии того, что Западная Римская империя не потеряет Галлию. Тем более, что ослабление военного авторитета Римского государства в этом регионе почти всегда вело к усилению сепаратистских настроений галльской аристократии, следствием чего было либо обращение местных магнатов за военной помощью к варварам и их союз с варварской знатью, либо появление на территории Галлии, при поддержке галльской аристократии, узурпаторов со своими войсками и правительствами (которые в основном составляли представители знатных фамилий Галлии).

Кроме того, для части аристократии (как италийской, так и галло-римской) Западной Римской империи, во всяком случае, тех, кто сохранял патристические настроения, сам факт многочисленных побед «римской» армии под командованием Ф. Аэция над варварами был важен и поддерживал гордость римлян (см., например, [6, с. 79]), что также способствовало укреплению позиций Ф. Аэция.

Подтверждением тесных связей военачальника с высшим сословием Западной Римской империи является сохранившееся в источниках достаточное количество свидетельств о симпатиях представителей аристократии (в том числе галльской) к Ф. Аэцию. Например, Меробавд, Аполлинарий Сидоний и Ренат Фридегерид довольно ясно проявляли в своих трудах одобрение деятельности Ф. Аэция и в положительных тонах описывали его личность. К ним присоединялись историки-хронисты Западной Римской империи (также знатные по происхождению) и византийские авторы, на точку зрения которых их западные коллеги несомненно оказали влияние.

Особенно заметно их благосклонное отношение к Ф. Аэцию из описаний убийства военачальника им-

ператором Валентинианом III, где последний показан обычно не в лучшем свете. Напротив, западноримский военный магистр называется авторами защитником и спасителем империи или даже «последним римлянином» [7, с. 303; 12, р. 80].

Известны и некоторые конкретные имена тех представителей знати Западной Римской империи, которые были тесно связаны с Ф. Аэцием: это Меробавд, написавший ему панегирик и участвовавший в конце 40-х гг. в борьбе с Арацеллитанскими багаудами [13, р. 24]; будущий император Западной Римской империи Майориан, служивший некоторое время под началом магистра войск [4, с. 185; 7, с. 314]; друг Ф. Аэция префект претория Боэций, который вместе с ним был убит на Палатине в 454 г. [14, р. 157]; и, наконец, крупный землевладелец Марцеллин – сподвижник Ф. Аэция [4, с. 185; 7, с. 309]. Все вышеперечисленные факторы дают основание сделать вывод, что Ф. Аэций пользовался поддержкой большей части представителей италийской и галльской знати.

Но только одной их заинтересованности в Ф. Аэции как магистре войск Западной Римской империи недостаточно для объяснения столь длительного пребывания его на этом посту, учитывая то, что он постоянно расширял сферу своей власти и поднимал значение занимаемого им поста, находясь уже с начала 30-х гг. фактически в положении регента молодого императора [15, S. 516–517], но при этом не был смещен с должности.

Поэтому можно с большой уверенностью утверждать, что галло-римская и италийская аристократия не только были заинтересованы в деятельности Ф. Аэция и поддерживали его, но и были вынуждены признавать его авторитет и власть.

Варвары (гунны)

В случае необходимости в своих личных интересах Ф. Аэций в любое время мог опереться на гуннскую конницу, которой имперскому правительству было трудно противопоставить адекватную военную силу. Дважды он использовал эту возможность. Первый раз в 425 г., когда под угрозой приведенных им на помощь узурпатору Иоанну гуннов он добился от Галлы Плацидии назначения его на пост дукса в Галлии [16, р. 70], и это несмотря на его активную поддержку Иоанна. Второй раз в 432 г., после смещения Ф. Аэция Г. Плацидией с поста магистра армии и неудачной стычки с новым командующим Бонифацем. На этот раз он был восстановлен в должности, а вскоре получил звание патриция [15, р. 537].

Примечательно, что в первом случае Ф. Аэций был понижен в должности (с магистра оффиций у Иоанна [15, р. 518] до дукса при Г. Плацидии), а во втором после демонстрации силы, не только вернул прежнее, но и фактически занял почти такое же положение при дворе, как ранее Стилихон или Констанций.

Вооруженная свита (букелларии)

Но если гуннов Ф. Аэций приводил лишь в случае крайней необходимости, то многочисленная вооруженная свита его букеллариев была с ним постоянно. Благодаря ей он чувствовал себя в безопасности.

Составляли его гвардию наиболее надежные и преданные лично магистру воины. Конечно, преимущественно это были варвары, в основном гунны и готы. Подчинялись они только Ф. Аэцию. Так, даже после его смещения с должности магистра войск Западной Римской империи они сражались за его интересы со свитой Бонифация [15, р. 537].

О преданности букеллариев Ф. Аэцию говорит и тот факт, что некоторые из них – Оптила и Акцила – отплатили за смерть своего патрона, убив в 455 г. императора Валентиниана III [17, с. 99]. О численности свиты Ф. Аэция судить трудно. Можно лишь сказать, что к 432 г. она была наверняка не меньше, чем у Галлы Плацидии, так как собственными силами со своим магистром она справиться даже не пыталась. Но Бонифаций, скорее всего, имел во время стычки при Римини более многочисленный отряд [5, S. 239]. Ведь трудно заподозрить Ф. Аэция, при его военном таланте, в неумении использовать численное превосходство над противником. Между тем схватку он проиграл. Однако из своего поражения Ф. Аэций сделал должные выводы. По мнению Г.-И. Диснера, после смерти Бонифация он присоединил его букеллариев к своим сторонникам посредством своей женитьбы на вдове покойного Пелагии. В последующие двадцать лет своего господства Ф. Аэций постоянно заботился об увеличении своих личных войск [5, S. 343].

Опора на собственную вооруженную свиту, конечно, не была изобретением Ф. Аэция. До него такие магистры римской армии, как Констанций и Стилихон, также располагали подобными отрядами.

Свою гвардию Стилихон, Констанций и Ф. Аэций использовали для давления на императоров и правительство. Это позволяло добиваться им решающего влияния при Равеннском дворе и поддерживать свое могущество в течение долгого времени. Кроме того, их свита становилась ядром римской армии во время военных походов этих военачальников.

Таким образом, как италийская, так и галло-римская знать, помимо заинтересованности в военных успехах Ф. Аэция, также была поставлена перед необходимостью считаться с ним. Причинами этого были: находящиеся в распоряжении Ф. Аэция военные силы империи; свита командующего, намного более значительная, чем частные отряды знати; высший военный пост в имперском аппарате; влияние при Равеннском дворе, а, кроме того, личные связи с правителями варварских племен, находящихся в регионе (в первую очередь с королем гуннов), благодаря чему Ф. Аэций мог использовать их вооруженные отряды.

Принципалы Галлии

Помимо аристократии, сторонниками сильной военной власти в Галлии были и составлявшие верхушку курий крупные городские землевладельцы – принципалы.

В результате многочисленных военных действий V в. (набеги варваров, узурпации и борьбы с ними римских войск) были разрушены многие города, оказались нарушенными торговые связи между различными регионами провинций [4, с. 165], разорению подверглась часть городских землевладельцев. Все это ускорило и без того быстрый процесс упадка городов.

Поэтому куриальная верхушка, имевшая высокое положение в городах и занимавшаяся раскладкой и сбором налогов [18, с. 313], была заинтересована в стабильном положении провинции и нуждалась в защите Галлии от набегов со стороны варваров и багаудов. Самостоятельно с этой задачей справиться ей было не под силу. Хотя есть свидетельства источников о самоотверженной защите многих городов от гуннов, готов и франков силами жителей, но без помощи регулярных военных частей долго выдерживать осаду было почти невозможно.

Кроме того, войска были необходимы для поддержания в повиновении городского населения и подавления возможных восстаний в городе. Поэтому в больших городах размещались постоянные гарнизоны [18, с. 314]. Однако и в этом случае куриальная верхушка не была застрахована от выступлений городских низов. Например, как в Арле – центре Галльской префектуры, где во время волнений был убит префект претория Экзупераций, а к восставшим присоединились солдаты [4, с. 131]. В результате потребовалось вмешательство римских экспедиционных войск Ф. Аэция.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что успешная деятельность магистра в Галлии гарантировала ему поддержку со стороны принципалов.

Мелкие и средние землевладельцы Галлии

Однако самым трудным и сложным в это время было положение мелких и средних землевладельцев. Они несли основное бремя налогов [6, с. 74–75], испытывали на себе злоупотребление со стороны чиновников. И все это в условиях, когда во многих районах Галлии спокойно вести хозяйство было почти невозможно из-за постоянной угрозы со стороны варваров. Результатом было разорение большей части представителей этих сословий, их бегство от налогов и, как следствие, запустение некоторой части земельных угодий.

Показательно в этом отношении свидетельство епископа Сальвиана Марсельского, который, в частности, указывал, что многие из провинциалов «...принадлежат к известной фамилии и получив хорошее воспитание, бывают вынуждены искать убежища у неприятелей римского народа (германцев), чтобы не

сделаться жертвой несправедливых преследований... Хотя они чужды варварам, к которым бегут, и по нравам, и по языку, хотя их поражает грязный образ жизни варваров, но, не смотря на все то, им легче привыкнуть к варварскому быту, нежели переносить несправедливую жестокость римлян. Они идут на службу к готам или багаудам, или к каким-нибудь другим повсюду господствующим варварам, и не раскаиваются в своем поступке. Они предпочитают жить свободно, нося звание рабов, нежели быть рабами, сохраняя одно имя свободных» [19, с. 70].

Конечно, на оценки римской власти, даваемые епископом Марселя Сальвианом, повлияло то, что он принадлежал к сторонникам союза галльской знати с вестготами [6, с. 78–79]. Но, тем не менее, факты которые он приводит, наверняка, соответствовали действительности. Хотя бегство к варварам, скорее всего, не получило большого распространения. Более частым было присоединение к багаудам «большой части испанцев и немалой части галлов», а особенно переход мелких землевладельцев под власть крупных земельных магнатов (о чем также пишет Сальвиан) [19, с. 71–74], владения которых не облагались куриальными налогами. Все это, в свою очередь, вело к увеличению налога на участки, подлежащие обложению, так как общая сумма налога менялась медленно, обычно раз в пятнадцать лет [4, с. 165]. В результате следовали новые бегства к варварам и багаудам, новые переходы под власть крупных земельных собственников. Круг замыкался, и разомкнуть его правительство Валентиниана III было не в силах.

Таким образом, отношение к Ф. Аэцию как к командующему римской армией и его деятельности в Галлии со стороны мелких и средних землевладельцев однозначно определить невозможно. С одной стороны, относительная стабилизация политического положения в регионе, защита населения от натиска варваров способствовали нормальной хозяйственной деятельности, а также обеспечивали защиту жизни и имущества жителей западных провинций. Военное могущество Ф. Аэция в Галлии отчасти гарантировало защиту прав и тех провинциалов, которые находились на территориях, занятых варварами-федератами.

Но, с другой стороны, военные силы империи, находившиеся под командованием военачальника, являлись опорой чиновников, выколачивавших налоги с простого населения провинций и часто злоупотреблявших своим положением [4, с. 156]. Войска Ф. Аэция, состоявшие преимущественно из варваров, которые были далеки от интересов коренного населения провинций [4, с. 148], жестоко расправлялись с багаудами и подавляли волнения в городах. Кроме того, федератские отряды, используемые Ф. Аэцием, помимо выполнения основной боевой задачи, попутно занимались грабежом провинциалов. Так, Аполлинарий Сидоний упоминает о борьбе местного

населения с гуннами Ф. Аэция, которые отметили свой путь к Нарбонне грабежом и пожарами [4, с. 157]. Необходимо отметить и то, что большая часть налогов, собираемых имперскими чиновниками с провинциалов, шла на обеспечение армии и оплату военных услуг федератов.

Таким образом, отношение мелких и средних землевладельцев к Ф. Аэцию и его деятельности могло быть самым разнообразным. Причем на точку зрения каждого из них по этому вопросу могли влиять самые незначительные факторы, так как более веские аргументы, приведенные выше, находились в относительном равновесии.

Итак, рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы.

Все большее усложнение с конца IV в. политической ситуации в Европе и почти полная потеря контроля над ней Равеннского двора угрожали целостности и, может быть, самому существованию империи, что не могло не вызвать значительного увеличения роли военных в государстве, а также огромного влияния наиболее высокопоставленных из них на правительство и Равеннский двор. Тем более, если они находили возможность, при наличии немногочисленной и давно уже потерявшей прежнюю боеспособность римской армии, обеспечивать защиту империи от варваров. Это было главной причиной того, что такие главнокомандующие, как Стилихон и Констанций III, обладали значительной властью в государстве.

В огромной мере это относилось и к Ф. Аэцию, который в течение почти 30 лет поддерживал стабильность Западной Римской империи, успешно проводя в отношениях с варварами свою стратегическую линию на создание и поддержание равновесия между конфликтующими племенами, умело лавируя между ними. Его тактика при этом постоянно изменялась с течением времени и учетом конкретной политической обстановки в регионе.

Обобщая данные, полученные в результате анализа отношения к Ф. Аэцию различных слоев населения Западной Римской империи, можно сделать вывод, что социальная база власти командующего в империи и особенно в Галлии была достаточно широка. Он пользовался поддержкой большей части представителей италийской и галльской аристократии, на его стороне была верхушка городского населения (в первую очередь принципалы) и некоторая часть мелких и крупных землевладельцев Галлии.

Несомненно, что высокое положение Ф. Аэция в государстве (он был фактически регентом императора), его авторитет среди провинциального населения не удовлетворяли членов императорской фамилии, а также некоторых представителей италийской аристократии, которые занимали высшие придворные и гражданские посты Западной Римской империи. Однако им приходилось мириться с могу-

ществом Аэция, так как объективно его деятельность способствовала укреплению империи. Но и сам римский командующий вынуждал их считаться с собой, имея возможность долгое время свободно использовать войска федератов, а главное – гуннскую конницу, в том числе и в своих личных интересах. Кроме того, его власть в значительной мере опиралась на

наличие у него личной вооруженной свиты букеллариев.

Ослабление власти Ф. Аэция в середине 50-х гг. V в. объяснялось потерей им опоры на гуннскую конницу, а также кратковременным улучшением и упрощением политической ситуации в Западной Римской империи.

Библиографический список

1. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. – Ростов н/Д., 1997.
2. Stein E. H'istoire du Bas-Empire. – P., 1959. – Т. 1.
3. Олимпиодор Фиванский. История. – СПб., 1999.
4. Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. – Пермь, 1975.
5. Diesner H.-J. Das buccelariertum von Stilicho und Sarus bis auf Aetius [454/455] // *Klio*. – 1972. – Bd. 54.
6. Клауде Д. История вестготов. – СПб., 2002.
7. Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. – Ч. XIII. – СПб., 1908.
8. Mathisen R. The Ecclesiastical Aristocracy of Fifth – Century Gaul. A Regional Analysis of Family Structure. Diss. Ph. – В., 1979.
9. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западно-Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI века). – М., 1984.
10. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – Сретенск, 2000.
11. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – СПб., 2008.
12. Marcellinus V.C. Comes. Chronicon // *Monumenta Germaniae Historica Auctores Antiquissimi* (MGH AA). – В., 1905. – Т. XI.
13. Hidatus Lemicus. Continvatio chronicorum hieronymianorum // *MGH AA*. – В., 1905. – Т. XI.
14. Victoris Tonnennensis Episcopi chronica // *MGH AA*. – В., 1905. – Т. XI.
15. Mommsen Th. Aetius // *Gesammelte Schriften*. – В., 1906. – Bd. IV.
16. Bouvier-Ajam M. Attila le Fléau de Dieu. – P., 1982.
17. Турский Г. История франков. – М., 2009.
18. Неронова В.Д. Поздняя Римская империя (III–V вв.) // История древнего мира. – М., 1989. – Кн. 3.
19. Сальвиан. Рассуждения современника-очевидца о причинах падения Западной Римской империи (около 450 г.) // История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). – М., 2001.